

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ ИЗДАТЕЛЯ	7
ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ	9
ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ	11
ГЛАВА I	
ДВА ТИПА МОРАЛИ	13
<i>Мораль стремления и мораль долга</i>	<i>14</i>
<i>Шкала морали</i>	<i>20</i>
<i>Лексикон морали и два типа морали</i>	<i>24</i>
<i>Предельная полезность и мораль стремления</i>	<i>26</i>
<i>Взаимность и мораль долга</i>	<i>30</i>
<i>Место разделительного указателя на моральной шкале</i>	<i>39</i>
<i>Награды и наказания</i>	<i>42</i>
ГЛАВА II	
МОРАЛЬ, ДЕЛАЮЩАЯ ВОЗМОЖНЫМ ПРАВО	47
<i>Восемь способов потерпеть неудачу, составляя закон</i>	<i>47</i>
<i>Последствия неудачи</i>	<i>53</i>
<i>Стремление к правовому совершенству</i>	<i>56</i>
<i>Законность и экономический расчет</i>	<i>59</i>
<i>Всеобщность закона</i>	<i>61</i>
<i>Обнародование</i>	<i>65</i>
<i>Законы, имеющие обратную силу</i>	<i>67</i>
<i>Ясность законов</i>	<i>80</i>
<i>Противоречия в законах</i>	<i>83</i>
<i>Законы, требующие невозможного</i>	<i>88</i>
<i>Постоянство закона во времени</i>	<i>99</i>
<i>Согласованность официальных действий с провозглашенным законом</i>	<i>101</i>
<i>Законность как практическое искусство</i>	<i>112</i>
ГЛАВА III	
ПОНЯТИЕ ПРАВА	117
<i>Правовая мораль и естественное право</i>	<i>117</i>
<i>Правовая мораль и концепция позитивного права</i>	<i>129</i>
<i>Концепция науки</i>	<i>143</i>
<i>Возражения на представленное здесь понимание права</i>	<i>147</i>
<i>Книга Г. Л. А. Харта «Понятие права»</i>	<i>160</i>
<i>Право как целенаправленное предприятие и право как наблюдаемый факт общественной власти</i>	<i>174</i>

ГЛАВА IV	
МАТЕРИАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ ПРАВА	183
<i>Нейтральность внутренней морали права</i>	
<i>по отношению к материальным целям</i>	183
<i>Законность как условие результативности</i>	186
<i>Законность и справедливость</i>	188
<i>Правовая мораль и законы, направленные</i>	
<i>против предполагаемых пороков,</i>	
<i>не поддающихся определению.</i>	191
<i>Взгляд на человека, подразумеваемый правовой моралью</i>	194
<i>Проблема пределов эффективного правового действия</i>	200
<i>Правовая мораль и размещение экономических ресурсов</i>	203
<i>Правовая мораль и проблема</i>	
<i>институционального проектирования</i>	211
<i>Институциональное проектирование</i>	
<i>как проблема минимизации издержек</i>	212
<i>Проблема определения морального сообщества</i>	216
<i>Минимальное содержание материального</i>	
<i>естественного права</i>	218
ГЛАВА V	
ОТВЕТ КРИТИКАМ.	223
<i>Структура аналитического правового позитивизма</i>	227
<i>Является ли некоторый минимум уважения</i>	
<i>к принципам законности необходимым</i>	
<i>для существования правовой системы?</i>	234
<i>Действительно ли принципы законности</i>	
<i>составляют «внутреннюю мораль права»?</i>	237
<i>Некоторые выводы из полемики</i>	264
РЕЦЕНЗИИ И ОТЗЫВЫ НА КНИГУ «МОРАЛЬ ПРАВА»	287
ПРИЛОЖЕНИЕ. ПРОБЛЕМА ДОНОСИТЕЛЯ	289
ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	299

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Книгой «Мораль права», принадлежащей перу выдающегося американского юриста и философа права Лона Л. Фуллера (1902—1978), мы открываем новую серию «Право» в рамках издательско-образовательного проекта «Навигатор». Несмотря на свой небольшой объем (а в первом издании отсутствовала глава 5 «Ответ критикам») эта книга, несомненно, является одним из фундаментальных трудов по философии и теории права, написанных в XX в.

Л. Фуллер многие годы проработал в Гарвардской школе права и приобрел известность благодаря своим работам в сфере договорного права, правовой теории и философии, а также в качестве преподавателя. Но именно его теоретические работы принесли ему мировую известность. В частности, книга «Мораль права», которую вы держите в руках, и полемика с другим выдающимся американским правоведом Г. Л. А. Хартом сыграли большую роль в развитии характерной для Нового времени дискуссии между правовым позитивизмом и теорией естественного права.

В России имя Л. Фуллера нередко упоминается в учебных курсах по теории государства и права и истории политических и правовых учений*. Тем не менее для русскоязычного читателя знакомство с оригинальными работами ученого зачастую оказывается практически невозможным. Этот пробел и призвано заполнить настоящее издание.

Но работа «Мораль права» не стала бы классической, если бы представляла лишь исторический интерес. Как и всякий подлинно фундаментальный труд она не теряет актуальности со временем. Все изложенное в ней имеет прямое отношение к правовым проблемам, с которыми сталкиваются постсоциалистические страны. По понятным причинам (первое издание книги вышло в 1964 г., второе — в 1969 г.) автор не затрагивает проблемы перехода от социалистической правовой системы к современной раз-

* Один из учебников содержит даже развернутый реферат книги «Мораль права»: Козлихин И. Ю., Поляков А. В., Тимошина Е. В. История политических и правовых учений. СПб.: Изд-во юрид. ф-та С.-Петербургского гос. университета, 2007. С. 479—498.

витой правовой системе «западного» типа и лишь походя упоминает аналогичные проблемы, возникающие в ходе создания правовых систем в развивающихся странах. Однако все проблемы, связанные с достижением целей «внутренней морали права», которые Л. Фуллер описывает в своей книге, могут быть проиллюстрированы множеством примеров из повседневной практики законодательства, правоприменения, государственного управления и политической деятельности в современной России и других странах, ранее входивших в состав СССР. В книге «Мораль права» специалисты и политические деятели, работающие над судебной и административной реформой, несомненно, найдут для себя много полезного и важного с практической точки зрения.

В современной литературе нет единого устоявшегося мнения по поводу того, к какой школе или направлению теоретической мысли следует относить концепцию Л. Фуллера. Хотя зачастую ее считают лежащей в русле естественно правовой традиции, в литературе существует также мнение, что идеи Л. Фуллера принадлежат «интегративной юриспруденции». Как бы то ни было, критика автором позитивистских подходов остается по-прежнему актуальной и содержит идеи, важные для всех практиков законодательной работы, даже тех, кто по своим теоретическим воззрениям остается в целом верными правовому позитивизму. Практика законодательской деятельности в России показывает, что упрощенное и некритическое восприятие позитивистских концепций нередко приводит к появлению неприменимых на практике, противоречивых и в целом неработающих законов и иных нормативных актов.

Учитывая все перечисленное, Редакционный совет проекта «Навигатор» принял решение о публикации книги Л. Фуллера «Мораль права» на русском языке. Мы надеемся, что это издание сослужит хорошую службу как преподавателям и студентам, так и практикующим юристам, законодателям и политикам.

*Валентин Завадников,
Председатель редакционного совета
проекта «Навигатор»
Февраль 2007 г.*

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

В предлагаемом читателю новом издании «Морали права» первые четыре главы, за исключением одного или двух небольших исправлений, сохранены в том виде, в каком они увидели свет в первом издании. Единственное существенное изменение заключается в дополнении книги пятой (последней) главой, получившей название «Ответ критикам».

Однако то, что первые четыре главы остались практически неизменными, вовсе не означает, что автор книги полностью удовлетворен формой и содержанием представленного в них материала. Это значит всего лишь то, что в переосмыслении проблем, рассмотренных в рамках данных глав, я еще не зашел настолько далеко, чтобы предпринять попытку сколько-нибудь существенной ревизии тех взглядов, которые были впервые высказаны мною в ходе лекций в 1963 г. Это также означает, что в целом я и сегодня придерживаюсь позиции, заявленной в тех лекциях.

Я надеюсь, что новая, пятая глава книги не будет воспринята лишь как упражнение в полемике. В философии права англоязычного мира многие десятилетия доминирует традиция, связанная с именами Остина, Грея, Холмса и Кельзена. Тот факт, что разработанные этими учеными общие представления о праве заняли центральное место, не означает, что они приняты целиком и полностью: вытекающие из них выводы часто вызывают дискомфорт даже у адептов этих взглядов. Полагаю, что в новой заключительной главе этой книги мне удалось точнее, чем когда-либо прежде, изложить свои разногласия с аналитическим правовым позитивизмом. И в этом огромная заслуга моих критиков, прежде всего Г. Л. А. Харта, Рональда Дворкина и Маршалла Коэна. Их критика не всегда была мягкой по форме, однако именно это позволило не притупить прямоту и резкость аргументации уклончивыми фразами, что столь часто встречается в полемике. Обнажив базовые предпосылки своих рассуждений, они помогли мне проделать то же самое с предпосылками, на которых базируется мой анализ.

Поскольку ученые, основные интересы которых лежат в области социологии и антропологии права, нашли полезным для себя первое издание этой книги, то читателям, которые впервые возьмут в руки эту книгу, руководствуясь схожими интересами, будет небесполезен один авторский совет. Он состоит в том, чтобы начать знакомство с книгой с главы II, а затем, временно пропустив промежуточные главы, перейти сразу к главе V. Такой способ знакомства с книгой служит двойкой цели: позволяя облегчить поиск информации, полезной для их особых читательских интересов, он в то же время дает некоторое представление об основных разногласиях, которые разделяют правоведов при решении задачи по определению предмета своего исследования.

В заключение я хочу выразить признательность моему секретарю Марте Энн Эллис, а также Рут Кауфман из издательства Йельского университета за вклад, который они внесли в создание этой книги (и поддержание моего душевного спокойствия). Их усердие и внимание в огромной степени помогли мне справиться с той нервной и отнимающей много времени работой по выверке всех мелочей, которая всегда сопровождает процесс превращения рукописи в готовый печатный текст.

1 мая 1969 г.

А. А. Ф.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

В основу этой книги положен курс лекций, прочитанных в апреле 1963 г. в Йельской школе права в рамках цикла лекций им. Уильяма Сторрса. Хотя объем книги в несколько раз превосходит объем исходного текста, я сохранил форму лекций, поскольку она идеально соответствует предмету и позволяет сохранить неформальный и зачастую полемический стиль, который я предпочитаю. В результате возникло определенное несоответствие между формой и содержанием: даже хорошо воспитанная и терпеливая аудитория Йельского университета вряд ли сумела бы высидеть вторую «лекцию» в нынешнем виде.

В качестве приложения добавлен текст, который был написан мной задолго до этих лекций. Приложение называется «Проблема доносчика». Прежде чем перейти к чтению второй главой книги, имеет смысл ознакомиться с приложением и поразмыслить над этой проблемой. Изначально «проблема доносчика» использовалась в моем курсе лекций по правоведению в качестве основы для дискуссий. Кроме того, на протяжении последних нескольких лет этот материал использовался в качестве вводного примера в рамках учебного курса по проблемам правоведения, который читается всем студентам первого курса Гарвардской школы права.

Выражение благодарности за помощь в создании этой книги я должен начать со своей признательности Йельской школе права не только за то, что ее любезное приглашение стало для меня благотворным стимулом, но и за предоставленное мне дополнительное время с тем, чтобы я мог добиться лучшего соответствия предъявленным требованиям. Кроме того, я должен выразить благодарность Фонду Рокфеллера за то, что он помог мне в период 1960—61 академического года получить доступ к редчайшему в американской академической жизни товару, а именно к досугу. Под досугом я, конечно же, имею в виду возможность читать и размышлять, будучи освобожденным от необходимости приносить непосредственную пользу (или делать вид,

что ее приносишь). Попросту говоря, без помощи Фонда Рокфеллера я попросту не смог бы принять приглашение Йельской школы права.

Что касается моих коллег, то я обязан им столь многим, а мое чувство благодарности столь велико, что я просто не в состоянии выразить его так, как они того заслуживают. При этом необходимо отметить, что ни у одного из моих коллег не было ни единого шанса попытаться спасти окончательный текст книги от погрешностей, которые объясняются склонностью упрямого автора вносить исправления вплоть до последней минуты. Их вклад в ранние стадии работы над книгой столь важен, что я мог бы сказать, что авторство этой книги принадлежит моим коллегам в той же степени, в какой оно принадлежит и мне. И, наконец, ради того, чтобы выразить благодарность своей супруге Марджори за ее неоценимый вклад, я готов позаимствовать причудливые слова другого автора: она может не знать, что это означает, но она знает, что́ это значит.

А. А. Ф.

ГЛАВА I

ДВА ТИПА МОРАЛИ

Грешить, гл. 1.

*Добровольно отклоняться от стези долга,
предписанной человеку Богом.*

Webster's New International Dictionary

Грех — это погружение в ничто¹

Содержание этих глав сформировано главным образом не-удовлетворенностью существующей литературой о соотношении права и морали. Эта литература представляется мне несовершенной по двум основным причинам. Прежде всего не ясно, что понимается под моралью. Существует избыточное изобилие определений права. Однако при сопоставлении права с моралью предполагается, что всем известно, что означает второй термин. Томас Рид Пауэлл говорил, что если вы способны размышлять о чем-то, что связано с чем-то другим, не размышляя об этом другом, то у вас юридический склад ума. В данном случае мне представляется, что юридический ум исчерпал себя в размышлениях о праве и удовлетворился тем, что оставил без рассмотрения тот предмет, с которым право соотносится и при том от него отлично.

В главе I предпринята попытка восстановить баланс путем подчеркивания различия между тем, что я называю «моралью стремления» и «моралью долга». По моему мнению, отсутствие такого разграничения служит источником множества неясностей в дискуссиях о соотношении между правом и моралью.

¹ Эта цитата может быть чисто воображаемой. Я, кажется, переписал ее из какой-то книги, которую прочитал много лет назад. Читатели, изучавшие теологию, могли бы указать ее источник. Мне говорили, что это мысль Св. Августина и что она тесно связана с высказыванием Карла Барта: «Грех — это погружение в бездну». Однако слово «das Bodenlose» означает потерю ограничений или границ и поэтому предполагает нарушение долга. По-моему мнению, здесь выражена концепция греха с точки зрения морали стремления — грех как провал усилий достичь реализации человеческих качеств как таковых.

Другой причиной неудовлетворенности, приведшей к появлению этих лекций, служит пренебрежение тем, что в заголовке второй главы определяется как «Мораль, которая делает возможным право». Если в существующей литературе и рассматривается основной предмет второй главы — то, что я называю «внутренней моралью права», — то от него обычно отделяются несколькими замечаниями о «правовой справедливости», причем понятие справедливости приравнивается к чисто формальному требованию, чтобы похожие дела рассматривались схожим образом. Лишь немногие признают, что в такой постановке эта проблема является всего лишь одним из аспектов более широкой проблемы — прояснения того, в каких направлениях необходимо прикладывать человеческие усилия, необходимые для поддержания любой системы права, даже той, чьи конечные цели могут быть расценены как ошибка или зло.

Главы III и IV представляют собой дальнейшее развитие и применение результатов анализа, проделанного в первых двух главах. В главе III «Концепция права» делается попытка соотнести наш анализ с различными школами философии права в целом. В главе IV «Материальные цели права» показывается, каким образом надлежащее отношение к внутренней морали права ограничивает различные материальные цели, которые могут быть достигнуты посредством юридических норм. В конце главы рассматривается вопрос о том, в какой степени из морали стремления можно вывести нечто подобное материальному «естественному праву».

МОРАЛЬ СТРЕМЛЕНИЯ И МОРАЛЬ ДОЛГА

А теперь позвольте мне перейти к разграничению между моралью стремления и моралью долга. Само по себе это разграничение не ново². Тем не менее я полагаю, что вы-

² См., напр.: A. D. Lindsay, *The Two Moralities* (1940); A. Macbeath, *Experiments in Living* (1952), pp. 55—56 et passim; W. D. Lamont, *The Principles of Moral Judgment* (1946); Idem, *The Value Judgment* (1955); H. L. A. Hart, *The Concept of Law* (1961), pp. 176—80; J. M. Findlay, *Values and Intentions* (1961); Richard B. Brandt, *Ethical Theory* (1959), pp. 356—368. Ни в одной из этих работ

текающие из него следствия в целом прошли мимо внимания исследователей и в частности не получили достаточно-го развития в дискуссиях о соотношении права и морали.

Мораль стремления наиболее ярко воплощена в греческой философии. Это мораль жизни в соответствии с Благом, стремления к совершенству, самой полной реализации человеческих сил. В качестве обертонов морали стремления могут проявляться понятия, граничащие с долгом. Но эти обертоны обычно приглушены, как у Платона и Аристотеля. Данные мыслители, конечно, признавали, что человек может не реализовать свои способности в полной мере. Он мог не выдержать испытания как гражданин или должностное лицо. Но в этом случае его порицали за неудачу, а не за отступление от долга; за несовершенство, а не за преступление. В целом у греков место идей о правильном и неправильном, о требованиях морали и моральном долге занимает концепция совершенного и подобающего поведения, т.е. поведения, приличествующего человеку, который действует наилучшим возможным образом³.

Если мораль стремления начинается с вершины человеческих достижений, то мораль долга начинается с их фундамента. Она закладывает базовые нормы, без которых упорядоченное общество невозможно, и без которых упорядоченное общество, направленное к достижению тех или иных определенных целей, существовать не может. Это мораль Ветхого завета и десяти заповедей. Она сформулирована в терминах «ты не должен» и реже — «ты должен». Она не осуждает людей за то, что они не воспользовались благоприятными возможностями для максимальной реализации своих способностей. Вместо этого она осуждает их за несоблюдение базовых требований общественной жизни.

В «Теории нравственных чувств» Адам Смит использует образ, который может оказаться полезным для пояснения

нет терминов, применяемых в моих лекциях. Линдсэй, например, противопоставляет мораль «моего статуса и связанных с ним обязанностей» морали требования стремления к совершенству. Книга Финдлэя особо ценна своей трактовкой «поучающих» злоупотреблений понятием долга.

³ «В Греции никогда и речи не было о чем-либо похожем на современное понимание юридических прав» (Jones, *The Law and Legal Theory of the Greeks* (1956), p. 151).

проводимого мною различия между двумя типами морали⁴. Мораль долга «можно было бы уподобить правилам грамматики»; мораль стремления — «правилам, установленным критиками для оценки изящества и совершенства произведения». Правила грамматики предписывают, что необходимо для сохранения языка как инструмента коммуникации точно так же, как нормы морали долга предписывают, что необходимо для общественной жизни. Подобно принципам морали стремления, принципы хорошего письма «смутны, неопределенны и неизвестны и скорее представляют общие понятия о достоинствах, к которым следует стремиться, чем дают средства и определенные правила их достижения».

Теперь хорошо было бы взять какую-нибудь форму человеческого поведения и задать вопрос, какие суждения о ней могут быть сформулированы в рамках этих двух типов морали. Я выбрал пример с азартной игрой. При использовании этого термина я имею ввиду не дружескую игру «по маленькой», а игру на большие ставки — что в переводе «Теории законодательства» Бентама живописно называется «*deep play*» («игра по крупному»)⁵.

Как мораль долга будет смотреть на азартную игру (в том виде, как мы ее определили)? Обычно в этом случае постулируется существование своего рода законодателя морали, на которого возлагается ответственность принятия решения о том, настолько ли пагубна азартная игра, что воздержание от нее следует рассматривать как общий моральный долг, возложенный на всех. Такой законодатель мог бы отметить, что азартные игры — это потеря времени и сил, что на тех, кто не может без них жить, они действуют подобно наркотику, что они имеют много нежелательных

⁴ Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997. С. 177. Смит проводит различие не между моралью долга и моралью стремления, а между справедливостью и «прочими добродетелями». Тем не менее очевидна тесная связь между понятием справедливости и понятием морального долга, хотя долг поступать с другими справедливо, возможно, покрывает более узкую область, чем понятие моральных обязательств вообще.

⁵ Bentham, *The Theory Of Legislation*, International Library of Psychology, Philosophy and Scientific Method (1931), p. 106 note.

последствий, например, заставляя игрока пренебрегать семьей и обязанностями перед обществом в целом.

Если бы наш гипотетический моральный законодатель прошел школу Иеремии Бентама и более поздних экономистов школы предельной полезности, он вполне мог бы заявить, что азартные игры пагубны по своей природе, а не только по своим косвенным последствиям. Если все состояние человека составляет тысячу долларов, и на пятьсот долларов, половину этой суммы, он заключит так называемое пари с равными шансами, то это не означает, что он заключил сделку, в которой возможные выигрыши и проигрыши уравновешены. В случае проигрыша каждый выплаченный им доллар уменьшит его благосостояние более чем пропорционально. В случае выигрыша полученные им пятьсот долларов представляют для него меньшую полезность, чем пятьсот долларов, которыми он расплатился бы за проигрыш. Мы, таким образом, приходим к интересному выводу: два человека могут добровольно встретиться без всякого намерения причинить вред друг другу и все же заключить сделку, невыгодную для них обоих, конечно, если судить относительно положения дел, которое существовало до того момента, как кости брошены.

Взвесив все эти суждения, приверженец морали долга придет к выводу, что людям не следует играть в азартные игры с высокими ставками, что их долг — избегать «игры по-крупному».

Как это моральное суждение связано с вопросом о том, следует ли законодательно запрещать азартные игры? Ответ: самым непосредственным образом. Наш гипотетический законодатель морали может переключиться со своей роли творца морали на роль творца законов, ничего не меняя в своих методах суждения. В роли законотворца он столкнется с определенными вопросами, которые в роли моралиста мог бы без труда оставить казуистике. Он должен будет принять решение о том, что делать с играми, где успех определяется мастерством, и играми, где исход зависит частью от умения, а частью от случайности. Как автор законопроекта, он столкнется с трудностью проведения границы между невинным развлечением в виде азартной игры с малыми ставками и азартной игрой в ее более безрассудных и

пагубных формах. Если для достижения этой цели нет готовой формулы, у него может возникнуть искушение разработать законопроект таким образом, что он будет включать все виды азартных игр, оставив разграничение между невинной забавой и действительно пагубной игрой на усмотрение обвинителя. Но еще до того, как он прибегнет к этой уловке, зачастую эвфемистически описываемой как «избирательное применение закона», наш моралист, превратившийся в законотворца, должен будет поразмыслить об опасных последствиях, которыми будет сопровождаться расширение области использования этого принципа, уже ставшего неперменной частью современного механизма правоприменения. Разрабатывая и предлагая свой законопроект, он должен будет учесть множество других соображений такого рода. Но ни в какой момент того процесса не произойдет резкого разрыва с методами, которыми он руководствовался при принятии решения о том, осуждать ли азартную игру как проявление безнравственности.

Теперь посмотрим, как азартная игра может выглядеть с точки зрения морали стремления. С этой точки зрения, нас интересует не столько собственно вред, причиняемый азартной игрой, сколько вопрос о том, достойна ли эта деятельность человеческих способностей. Мы признали бы, что в человеческих делах риск сопутствует всем творческим усилиям, и что это правильно и хорошо, что человек, включаясь в творческую деятельность, не только соглашается на риск, но и наслаждается им. В отличие от этого азартный игрок ищет риск ради риска. Будучи неспособен быть на уровне высокой ответственности, налагаемой на представителя рода человеческого, он обнаруживает способ наслаждаться одним из удовольствий, доступных человеку, не взваливая на себя сопряженное с ним бремя. Азартная игра с высокими ставками фактически становится разновидностью фетишизма. Здесь очевидна аналогия с определенными отклонениями в проявлениях сексуального инстинкта, описанная в обширной психиатрической литературе, посвященной одержимости азартными играми⁶.

⁶ Список литературы см. в книге: Edmund Bergler, *The Psychology of Gambling* (1957), note 1, pp. 79—82.

Таким образом, окончательное суждение морали стремления об азартной игре будет состоять не в обвинении, а в выражении презрения. Согласно этой морали азартная игра является не нарушением долга, а формой поведения, неподобающей существу, наделенному человеческими способностями.

Какое отношение к праву будет иметь выработанное таким образом суждение? Ответ: оно не будет иметь никакого прямого отношения к праву. Не существует способов, посредством которых закон может заставить человека жить на том уровне совершенства, к которому этот человек способен. За работоспособными критериями для формирования суждений закон должен обращаться к своему кровному родственнику — морали долга. Если где-нибудь и можно найти помощь для принятия решения о том, следует ли вводить законодательный запрет азартных игр, то только здесь.

Однако то, что мораль стремления проигрывает в смысле прямой релевантности по отношению к праву, она выигрывает во всепроникающем характере своих следствий. В одном из аспектов вся наша система права представляет собой комплекс правил, разработанных с целью избавить человека от слепой игры случая и благополучно направить его по пути целенаправленной и творческой деятельности. Когда по условиям сделки одно лицо платит другому деньги на основании ошибки в факте, квази-договорное право обязывает вернуть эти деньги. Договорное право объявляет недействительными соглашения, которые были заключены при обоюдном превратном понимании существенных фактов. В соответствии с деликтным правом, человек может действовать, не неся ответственности за тот ущерб, который возникает как случайный побочный результат его действий, за исключением ситуаций, когда он принимает участие в предприятии, связанном с предсказуемыми рисками, которые могут быть оценены в качестве актуарных издержек его деятельности, а значит, должны быть рассчитаны заранее. На ранних стадиях развития права ни один из этих принципов не принимался во внимание. Принятие этих принципов в современном праве — плод многовековой борьбы за уменьшение роли иррационального в жизни человека.

Но у нас нет способа заставить человека жить разумной жизнью. Мы можем только добиваться исключения из его жизни вопиющих и наиболее очевидных проявлений случайности и иррациональности. Мы можем создать условия, необходимые для рационального человеческого существования. Они необходимы, но не достаточны для достижения этой цели.

ШКАЛА МОРАЛИ

При рассмотрении всего спектра вопросов морали мы без труда можем вообразить своего рода шкалу или линейку, которая в своей нижней части начинается с самых очевидных требований общественной жизни и восходит к вершинам человеческих устремлений. Где-то на этой шкале находится невидимый указатель, отмечающий разделительную линию, после которой исчезает давление долга и возникает вызов совершенства. Вся сфера дискуссий по вопросам морали представляет собой поле боя великой необъявленной войны за местоположение этого указателя. Есть те, кто из всех сил толкает его вверх, в то время как другие пытаются опустить его вниз. Те, кого мы полагаем неприятными или, по меньшей мере, чрезмерными моралистами, неустанно стараются сдвинуть этот указатель чуть выше, чтобы расширить область долга. Вместо того, чтобы призывать нас разделить с ними понимание образа жизни, который они считают достойным человеческой природы, они стараются заставить нас поверить в то, что мы непременно обязаны избрать эту модель. Вероятно, мы все хоть однажды подвергались воздействию той или иной разновидности этого метода. Слишком длительное воздействие может вселить в подвергшегося ему человека пожизненное отвращение к самому понятию морального долга.

Я только что говорил о воображаемом указателе, отмечающем линию, разделяющую долг и стремление. Полагаю, что задача нахождения надлежащей точки для этого указателя без нужды усложнена интеллектуальной путаницей, которая восходит по меньшей мере к Платону. Я имею в виду рассуждения такого рода: «Чтобы судить о том, что в поведении человека плохо, нам следует знать, что такое абсолютное благо. Каждое действие следует оце-

нивать в свете его вклада в совершенную жизнь. Не имея перед собой картины идеала человеческого существования, мы не располагаем никаким критерием ни для предписания обязанностей, ни для открытия новых путей для выражения человеческих способностей». Те, кто принимает эту линию рассуждений, отклонят проблему правильного расположения черты, где заканчивается долг и начинается стремление, как бессмысленную или неразрешимую. С их точки зрения, очевидно, что основой всякой морали является мораль стремления. Для проведения четкой линии между двумя типами морали нет ни возможности, ни оснований, поскольку мораль долга неизбежно должна включать в себя критерии, заимствованные из морали стремления.

Любопытно, что исторически мнение о том, что все моральные суждения должны основываться на некоем понятии совершенства, использовалось для диаметрально противоположных выводов относительно объективности моральных суждений. Одна сторона приводит следующие доводы: «То, что мы знаем, что такое «плохо» и согласны с этим, представляет собой опытный факт. Отсюда должно следовать то, что в наших умах существует общая для всех картина того, что есть совершенное благо. Поэтому задача моральной философии — сформулировать нечто, что мы уже знаем и с чем согласны». Именно этим путем шел Сократ, каким он предстает у Платона. Противоположная сторона рассуждает следующим образом: «Очевидно, что люди не достигли согласия о том, что есть совершенное благо. Но, поскольку осмысленные суждения о том, что есть плохо, невозможны без соглашения о том, что есть совершенное благо, — а такого соглашения очевидным образом не существует, — получается, что наше согласие о том, что такое плохо, есть иллюзия, возможно, порожденная общественными условиями, привычкой и разделяемыми предрассудками».

Оба вывода покоятся на предположении, что без знания того, что такое совершенное благо, мы не можем знать, что такое «плохо», или, иными словами, моральный долг не может быть рационально распознан без предшествующего принятия всеобъемлющей морали стремления. Этому

предположению противоречит элементарный человеческий опыт. Моральный запрет «не убий» не подразумевает никакой картины совершенной жизни. Он покоится на той банальной истине, что если люди поубивают друг друга, то реализация никакой морали стремления станет невозможной. Ни в одной из сфер человеческих стремлений не требуется, чтобы наши суждения о неподобающем втайне направлялись некоей полуосознанной утопией. К примеру, в сфере лингвистики никто не претендует на знание того, каким должен быть совершенный язык. Это не мешает нам бороться против разного рода ошибок в словоупотреблении, которые попросту грозят размыть полезные различия.

Во всей области человеческих целей — включая не только человеческую деятельность, но и всякого рода артефакты — мы постоянно находим опровержения идеи, утверждающей невозможность знать то, что не годится для достижения целей, без знания о том, что идеально подходит для их достижения. В отборе инструментов для наших целей мы можем добиться и добиваемся успеха везде при всем несовершенстве определений того, чего мы стараемся достичь. К примеру, ни одно обычное человеческое орудие не является совершенно пригодным для какой-либо конкретной задачи. Такие инструменты скорее предназначены для приемлемого решения неопределенного круга задач. Плотницкий молоток адекватно служит широкой, но неопределенной сфере применения, раскрывая свои недостатки лишь когда мы пытаемся использовать его для забивания крохотных гвоздиков или для установки тяжелых палаточных кольев. Если товарищ по работе просит у меня молоток или что-то подобное из имеющегося у меня инструмента, я, не зная точно, что именно он собирается делать, сразу пойму, какие инструменты будут для него бесполезны. Я не предложу ему взять отвертку или веревку. Словом, на основе крайне несовершенных представлений о том, что подойдет ему идеально, я понимаю, что ему не подойдет. И полагаю, что то же самое верно относительно общественных норм и институтов. К примеру, мы можем знать, что будет явно несправедливым, не связывая себя обязательством окончательно сформулировать то, что должна представлять собой совершенная справедливость.

Ни один из только что приведенных доводов не подразумевает, что провести линию, разделяющую мораль долга и мораль стремления, можно без особого труда. Вопрос о том, где заканчивается долг, — одна из наиболее трудных задач социальной философии. Ее решение содержит огромную оценочную составляющую, и потому неизбежны индивидуальные различия мнений. Здесь я доказываю лишь то, что при решении этой проблемы нам следует осознавать эти трудности, а не бежать от них под предлогом, что ответ на этот вопрос невозможен до тех пор, пока мы не выстроили всеобъемлющую мораль стремления. Нам известно достаточно, чтобы создать условия, которые позволят человеку подняться выше. Это лучше, чем стараться пришить его к стене окончательной формулой его высшего блага.

Возможно, этот пункт в дальнейшем позволит избежать одного недоразумения. Высказывались предположения, что мораль долга относится к жизни человека в обществе, а мораль стремления — это проблема отношений человека с самим собой или человека с Богом⁷. Это верно лишь в том смысле, что по мере того, как мы поднимаемся по некоей лестнице вверх, от очевидного долга к высочайшим устремлениям, все большее значение приобретают индивидуальные различия в способностях и понимании. Но это не означает, что в ходе такого подъема разрушаются социальные узы. Классическая формулировка морали стремления принадлежит греческим философам. Для них разумелось само собой, что, будучи политическим животным, человек вынужден искать лучшей жизни, притом что его жизнь разделяется им с другими. Если отсечь нас от нашего социального наследия, т.е. от языка, мышления и искусства, никто из нас не сможет стремиться к чему-то большему, чем чисто животное существование. Высшая ответственность морали стремления во многом состоит в сохранении и обогащении этого социального наследия.

⁷ На мой взгляд, посылка У. Д. Ламонта о том, что мораль долга связана с социальными отношениями, в то время как мораль ценностей связана с оценками индивидуальных предпочтений, несколько портит его ценное исследование: W. D. Lamont, *The Value Judgement* (1955).

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru